

Тати Фольс

**Влюблённый волк
уже не хищник.
Тень прошлого.**

18+

Тати Фольс

Влюблённый волк уже не хищник. Тень прошлого.

<https://litres.ru/74600964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь развела их по разным маршрутам: каждый строил своё, пытался «наладить» привычное, но оба несли в себе память друг о друге. Для Наты это время было наполнено поиском своего голоса в литературе — и тогда её тексты рождались из боли и ощущения потери. Когда их дороги снова сошлись, они уже не отпускали друг друга. Вместе прошли через тревоги и угрозы, учились держаться за руки даже в шторм и опираться на простое «я здесь».

В центре истории — не громкие победы, а тихая сила близости: умение оставаться рядом, слышать друг друга и строить дом даже тогда, когда мир штормит.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тати Фольс

Влюблённый волк уже не хищник. Тень прошлого.

Глава

Влюбленный волк уже не хищник «Тень прошлого»

Глава 1

День складывался как по нотам: кофе в любимом кафе, короткий разговор с Алин, где мы утрясли последние бумаги, и предвкушение вечера вдвоём. Я даже поймала себя на мысли, что начинаю верить: всё действительно может быть хорошо. Не «как будто», не «пока не рухнуло», а по-настоящему стабильно. И от этого становилось одновременно спокойно и страшно — будто я стою на краю чего-то большого и не знаю, падать или лететь.

Я ждала Олега у выхода из спортзала, прислонившись к стене, с таким видом, будто весь мир может подождать, а он — нет. В руках у меня был бумажный стаканчик с кофе, тот самый, «как ты любишь»: чуть меньше сахара, чуть больше молока. Я протянул его, улыбнулась, и на секунду все тревоги исчезли.

«— Ты сегодня будто светишься», — сказал он, когда мы

шли к машине.

— Наверное, потому что устала притворяться, что мне всё равно. Он замер на полушаге, посмотрел на меня серьёзно, будто каждое слово имело вес.

— Больше не надо притворяться. Я здесь. И я не исчезну. Я хотела ответить что-то лёгкое, чтобы не делать момент слишком тяжёлым, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула и взяла его за руку.

Мы ехали по набережной, ветер трепал волосы, город переливался вечерними огнями, и казалось, что впереди только хорошее. Олег включил плейлист, который мы собирали вместе, и мы подпевали песням, смеялись над тем, как фальшивим, и в эти минуты всё было так правильно, что даже больно становилось от этой правильности. Но стоило нам подъехать к дому, как я заметила у подъезда незнакомую машину. Чёрную, дорогую, с затемнёнными стёклами. Что-то внутри щёлкнуло, как будто кто-то резко выключил музыку в моей голове.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Нет. А что?

— Просто... эта машина.

Олег посмотрел, нахмурился, но пожал плечами: — Может, кто-то из соседей.

Мы поднялись на этаж, и тут дверь соседней квартиры открылась. На пороге стояла женщина лет сорока, в строгом

пальто, с папкой в руках. Она посмотрела на нас, будто знала, кто мы, и чуть заметно кивнула.

«— Добрый вечер», — сказала она, но обращалась явно к Олегу. — Я думала, вы будете позже.

— Простите, я не понимаю... — начал Олег, но в его голосе уже проскользнуло напряжение.

— Меня зовут Ирина Викторовна. Я из юридической фирмы. Мы договаривались о встрече на завтра, но у меня освободилось время, и я решила заехать.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Юридическая фирма. Встреча. И Олег, который впервые слышит об этом? Или делает вид?

— О какой встрече речь? — спросил он, и теперь в его взгляде читалось не просто недоумение, а что-то похожее на испуг.

— По поводу раздела имущества. Вы же подавали заявление. Или... вы забыли? Тишина повисла между нами, тяжёлая, липкая, как туман. Я смотрела на Олега, а он на меня, и в его глазах я видела, как рушится тот самый хрупкий мир, который мы только что строили.

— Я... я не подавал, — наконец произнёс он, но голос звучал неуверенно, будто он сам себе не верил.

— Тогда, возможно, это ошибка, — спокойно сказала Ирина Викторовна, но в её спокойствии было что-то холодное, безжалостное. — Но документы у меня на руках. И подпись ваша. Она протянула папку, и Олег взял её, как будто

боялся, что она взорвётся у него в руках.

Я стояла рядом, чувствуя, как внутри всё сжимается. Это не могло быть ошибкой. Кто-то очень постарался, чтобы этот момент наступил. Когда дверь за юристом закрылась, Олег повернулся ко мне. Его лицо было бледным, а руки слегка дрожали.

«— Это не я», — сказал он. — Я клянусь, я ничего не подписывал.

— Тогда кто?

Он молчал, и это молчание было громче любого крика. Мы зашли в квартиру, и я села на диван, обхватив колени руками. Внутри всё кричало: «Не верь!», но сердце шептало: «Дай ему шанс».

— Расскажи мне всё, — попросила я тихо. — С самого начала. Что происходит?

Он сел напротив, опустил голову, провёл рукой по лицу, будто пытаюсь стереть с него усталость.

— Есть кое-что, о чём я не говорил. Не потому что хотел скрыть, а потому что боялся, что ты уйдёшь раньше, чем я успею всё исправить. У меня был партнёр по бизнесу. Мы начинали вместе, а потом... всё пошло не так. Он хотел выкупить мою долю, я отказался. Потом начались странные письма, звонки, угрозы. Я думал, что справлюсь сам. А теперь вот это.

— И ты молчал? Все эти дни, когда мы строили планы, когда я начинала верить, ты знал, что над нами висит эта

тень?

— Я не хотел тебя втягивать. Ты и так столько пережила из-за меня.

Я встала, подошла к окну, посмотрела на город, который ещё минуту назад казался таким уютным. Теперь он выглядел чужим.

— Знаешь, что самое страшное? Не то, что кто-то хочет отобрать твой бизнес. А то, что ты снова выбрал молчать. Ты снова оставил меня стоять в темноте, не объяснив, почему гаснет свет. Он подошёл ко мне, хотел обнять, но я отстранилась.

— Не сейчас. Мне нужно подумать.

— Пожалуйста, не уходи. Не оставляй меня одного с этим.

— Я и не ухожу. Но мне нужно время.

Он кивнул, сел на край дивана, сгорбившись, как человек, который вдруг понял, насколько хрупким было всё, что он строил. А я стояла у окна и думала: сколько раз можно прощать молчание? Сколько раз можно верить, что на этот раз всё будет иначе? И самое главное — если я сейчас повернусь и скажу «я с тобой», готова ли я к тому, что тень прошлого будет идти за нами по пятам?

В ту ночь я долго не могла уснуть. Олег лежал рядом, не спал, смотрел в потолок. Я чувствовала его взгляд, тяжёлый от вины и страха потерять меня. И в какой-то момент я поняла: любовь — это не только про «быть рядом». Это ещё и про умение говорить правду, даже когда она режет.

Утром я проснулась первой. Олег всё ещё спал, прижавшись ко мне, как ребёнок, ищущий защиты. Я осторожно высвободилась, накинула халат и пошла на кухню. Включила кофемашину, села у окна и достала блокнот. Пальцы сами начали выводить слова.

«Иногда самое трудное — не отпустить. А остаться и смотреть правде в глаза. Не ради жертвы, не ради долга, а ради того, чтобы построить что-то настоящее. Пусть даже это настоящее будет с трещинами. Главное — чтобы они были видны. Чтобы не прятать их за красивыми словами».

Я писала, пока кофе не остыл, пока первые лучи солнца не коснулись пола, пока тишина квартиры не наполнилась чем-то новым — не надеждой, но готовностью встретиться с тем, что ждёт впереди. Когда Олег вышел из спальни, я подняла на него глаза и сказала: — Давай разберёмся с этим. Вместе. Но с одним условием: больше никакой тишины. Никаких «я хотел, как лучше». Если что-то идёт не так — ты говоришь мне сразу. Даже если думаешь, что я не выдержу.

Он подошёл, сел рядом, взял мою руку и прижал к губам. — Обещаю. Я больше не буду прятать от тебя свою жизнь. Даже если она не идеальна. И в этот момент я поняла: возможно, именно в этом и есть настоящая близость — не в том, чтобы всё было гладко, а в том, чтобы идти через шероховатости вместе.

После разговора с юристом мы не стали выяснять отношения до конца. Не было сил. Олег молча заварил чай, поставил

чашку передо мной, сел напротив, не пытаясь обнять, будто боялся, что любое движение сломает хрупкое равновесие.

— Знаешь, — сказала я, глядя на пар, поднимающийся над чашкой, — в детстве я думала, что любовь — это когда всё понятно. Когда слова совпадают с поступками, когда не нужно ничего расшифровывать. А теперь понимаю: любовь — это умение сидеть в тишине и не бояться, что она станет громче крика. Он чуть улыбнулся, будто эти слова сняли с него тяжесть.

— Ты всегда умела говорить так, что даже тишина начинала звучать. Я подняла глаза и вдруг увидела в нём не того самоуверенного мужчину, который ставил ультиматумы, а человека, который боится потерять. И в этом страхе было столько искренности, что сердце сжалось.

— Прости, что давил, — тихо сказал он. — Просто, когда ты рядом, я перестаю думать о последствиях. Хочу только удержать.

— Удерживать и держать — это разные вещи, — ответила я. — Одно спасает, другое душит. Он кивнул, не споря.

Мы сидели так долго, что за окном потемнело, и город зажёг свои ночные огни. Олег встал, подошёл к окну, провёл пальцем по стеклу, будто стирая невидимую пыль.

«— Иногда мне кажется, что я живу в отражении», — произнёс он, не оборачиваясь. — Дела, встречи, звонки... А настоящая жизнь проходит мимо. И только когда ты здесь, я чувствую, что дышу. Я подошла к нему, встала рядом. Наши

плечи почти касались друг друга, но я не спешила сокращать это расстояние. Пусть оно будет не разрывом, а пространством, в котором можно дышать вдвоём.

— Помнишь, ты говорил, что хочешь просыпаться и засыпать со мной? — спросила я. — Помню. И сейчас это звучит не как мечта, а как необходимость.

— А если эта необходимость будет мешать? Если моя жизнь в Италии, твоя — здесь, и мы будем разрываться между двумя странами? Он наконец повернулся ко мне. В его взгляде не было ни упрямства, ни давления — только честность.

— Тогда мы придумаем третью страну. Ту, где будем только мы. Не город, не адрес, а состояние. Где неважно, сколько километров между нами, потому что мы знаем: мы есть друг у друга.

Я улыбнулась, и в этой улыбке было больше принятия, чем слов.

— Звучит как философия сбежавших от реальности.

— Нет, — возразил он. — Это философия тех, кто наконец её нашёл.

Он протянул руку, коснулся моей ладони — лёгким, почти невесомым прикосновением, будто проверял, реальна ли я. Я не отдернула руку. Наоборот, переплела свои пальцы с его.

— Знаешь, что самое трудное в любви? — прошептала я. — Не ждать. А верить, что тебя не забудут в этой суете. Что

среди всех дел и встреч кто-то каждый день выбирает тебя.

«— Я выбираю», — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Каждый день. Даже когда молчу. Даже когда делаю глупости.

И в этот момент молчание перестало быть врагом. Оно стало нашим союзником — тем самым пространством, где слова не нужны, потому что всё уже сказано в прикосновении, во взгляде, в том, как мы стоим рядом и не отпускаем друг друга. Олег притянул меня к себе, но не резко, не властно, а так, будто я — хрупкое стекло, которое он боится разбить. Я прижалась к его плечу, закрыла глаза и почувствовала, как напряжение, копившееся годами, медленно уходит.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила я. — Что-нибудь простое. Про обычный день. Про то, как ты пил кофе, смотрел в окно, думал обо мне. Он улыбнулся и начал говорить.

Про утро, когда солнце било в окно и он машинально тянулся к телефону, чтобы написать мне, но останавливался. Про вечера, когда город шумел, а внутри была пустота, которую никто не мог заполнить. Про сны, в которых я всегда была рядом, и как страшно было просыпаться одному. Я слушала, и с каждым словом мир становился чуть понятнее. Не потому что он оправдывался, а потому что открывался. Без пафоса, без красивых фраз — просто делился своей правдой. Когда он закончил, я подняла голову и посмотрела на него.

— Спасибо, что рассказал. Это важнее любых обещаний.

— Обещания я тоже дам, — тихо ответил он. — Но пусть они будут не громкими, а тихими. Как этот вечер. Как наше дыхание.

Ночь накрыла город, и квартира стала маленьким убежищем, где не было ни прошлого, ни будущего — только настоящее. Мы сидели на диване, укрывшись пледом, и говорили обо всём и ни о чём: о книгах, о том, как пахнет дождь в Италии, и о том, что Барселона почему-то всегда казалась ему городом, где можно начать заново.

— Знаешь, — сказала я, когда тишина снова стала уютной, — иногда мне кажется, что судьба не сводит людей случайно. Она даёт нам знаки, а мы их не видим. Или видим, но боимся поверить.

— Какой знак был у тебя? — спросил он.

— Когда издательство в Испании заинтересовалось моими книгами, внутри всё перевернулось. Как будто кто-то шепнул: «Время пришло».

Он взял мою руку и прижал к своей груди, туда, где сердце билось ровно, но чуть быстрее обычного.

— Значит, мы не должны были разминуться. Даже если на два года. Я кивнула, не в силах говорить.

В горле стоял комок из всех невысказанных слов, всех обид и всех надежд, которые наконец нашли свой дом. Утром я проснулась первой. Олег спал, уткнувшись в подушку, и выглядел таким беззащитным, что хотелось просто сидеть и смотреть на него, запоминая каждую черту. Я осто-

рожно провела пальцем по его руке — не чтобы разбудить, а, чтобы убедиться, что это не сон. Он приоткрыл глаза, улыбнулся, не открывая их до конца, и притянул меня к себе.

— Доброе утро, любимая — прошептал он. — Я так боялся проснуться и обнаружить, что тебя нет.

— Я здесь, — ответила я, уткнувшись носом в его плечо. — И знаешь, что самое странное? Я больше не хочу никуда бежать.

Он обнял меня крепче, но так, чтобы не сдавить, а просто дать почувствовать: ты не одна.

— Давай сегодня никуда не спешить, — предложил он. — Пусть весь мир подождёт. — Пусть подождёт, — согласилась я. — У нас есть ещё один день, чтобы научиться быть вместе. Не спеша. Без ультиматумов. Просто вдвоём.

И этот день мы провели именно так: пили кофе, гуляли по набережной, заходили в маленькие кафе, смеялись над пустяками и молчали, когда слова были не нужны. А вечером, когда солнце садилось за крыши домов, я вдруг поняла: любовь — это не только про страсть и бурю. Это про тишину, в которой слышно, как бьётся сердце другого человека. И про смелость сказать: «Я остаюсь».

Глава 2

Утро началось тихо — так тихо, что казалось, будто город нарочно затаил дыхание, чтобы не спугнуть этот хрупкий покой. Солнце мягко ложилось на паркет, на подушки, на её лицо. Она лежала, прижавшись к нему, и Олег чувствовал, как

под ладонью, на её животе, будто пульсирует не просто тепло, а целая вселенная — их будущее, ещё не родившееся, но уже такое настоящее. Он осторожно провёл пальцами по её волосам, по линии скулы, стараясь запомнить каждую черту, будто боялся, что, если моргнёт, всё исчезнет. Она улыбнулась, не открывая глаз, и прошептала: — Ты опять смотришь на меня так, будто я — чудо, которое вот-вот растворится.

— Потому что ты и есть чудо. И я до сих пор не верю, что ты здесь. Я повернулась к нему, положила ладонь на его грудь, туда, где сердце билось ровно, но чуть быстрее обычного.

— Знаешь, когда я писала свои книги, я думала, что любовь — это буря. Гром, молнии, срывает крыши, переворачивает города. А теперь понимаю: самое сильное — вот это. Когда буря стихает, и остаётся только тишина, в которой слышно, как бьётся сердце другого человека.

Олег улыбнулся, поцеловал её в висок, и они ещё несколько минут лежали, не торопясь вставать, будто эти минуты были важнее всех дел мира. Но день не собирался стоять на месте. Телефон Олега, лежавший на тумбочке, вдруг резко зазвонил — громко, настойчиво, почти грубо, как будто хотел ворваться в их уютный мир и разорвать его на части. Олег поморщился, будто звук был физически неприятен.

— Не бери, — тихо попросила я. — Пусть ещё пять минут будет только мы.

— Прости, — сказал он, потянувшись к телефону. Если

звонят в такую рань — значит, что-то срочное.

Олег провёл пальцем по экрану и поднёс телефон к уху.

— Да, слушаю. Голос на том конце был напряжённым, сухим, без обычных шуток: — Олег, слушайте я насчет аварии. На выезде из города, на том самом перекрёстке, где светофор барахлит. Грузовик и легковушка. Водитель легковушки — девушка. Была в больнице, состояние тяжёлое. Олег сел на кровати, мгновенно собранный, будто кто-то щёлкнул выключателем, и прежнего расслабленного мужчины не стало.

— Что с машиной вы выяснили?

— Машина — в хлам. Но это не главное.

— Я еду. Скажи, чтобы держали меня в курсе.

Он положил телефон и посмотрел на меня. В его взгляде было столько сожаления, столько желания остаться, что ей стало больно за него.

— Езжай, — сказала она, опережая любые оправдания. — Судя по взгляду это важно.

— Прости, что так... что обрывает прямо вот здесь, в самом лучшем моменте.

— Не извиняйся. Ты не можешь не ехать. А я... я буду здесь. Буду ждать.

Он наклонился, крепко обнял, прижал к себе так, будто хотел забрать с собой хотя бы часть этого тепла.

— Я вернусь. И мы снова ляжем вот так, и больше никто не посмеет нас потревожить. — Возвращайся, — прошепта-

ла я, уткнувшись ему в плечо. — Просто возвращайся.

Когда дверь за ним закрылась, в квартире стало непривычно тихо. Я села на край кровати, обхватив себя руками, и вдруг почувствовала, как внутри, под ладонью, едва заметно шевельнулось что-то новое — лёгкое, как дуновение ветра, но такое настоящее, что слёзы сами навернулись на глаза.

— Всё хорошо, — прошептала я, будто успокаивая и себя, и малыша.

— Папа просто пошёл спасти мир. А потом вернётся. Обязательно вернётся.

Она встала, подошла к окну. Город уже просыпался: машины выезжали из дворов, люди спешили по своим делам, то-то смеялся, кто-то ругался в телефон, кто-то просто шёл, не замечая ничего вокруг. А я стояла и смотрела, как солнце поднимается выше, как тени становятся короче, и думала о том, как странно устроена жизнь: самые тихие, самые счастливые моменты всегда оказываются на волоске от чего-то большого и неизбежного.

В голове вдруг всплыли слова, которые она когда-то вписала в одну из своих книг, почти не задумываясь, как будто кто-то диктовал их ей: «Любовь — это не когда ты прячешь человека от бурь. Любовь — это когда ты даёшь ему крылья, чтобы он мог лететь туда, где нужен, а потом — знаешь, что он вернётся. Потому что дом — не место. Дом — это тот, кто ждёт».

Я улыбнулась сквозь слёзы, достала блокнот и быстро за-

писала эту фразу, пока она не растворилась в шуме города. Потом накинула халат, пошла на кухню, поставила чайник. И, пока вода закипала, смотрела в окно и шептала про себя: — Возвращайся, Олег. Мы здесь. Мы ждём.

Глава 3

Олег влетел на перекрёсток так, будто сам хотел заслонить собой всё, что разбилось и рассыпалось по асфальту. Дождь, начавшийся ещё по дороге, хлестал по стёклам, смешивался с грязью и бензином, делал мир серым и скользким. На обочине мигали огни патрульных машин, суетились люди в жилетах, кто-то кричал, кто-то спокойно отдавал команды — а посреди этого хаоса стояла смятая легковушка, похожая на игрушку, которую слишком сильно сжали в кулаке. Он выскочил из машины, не закрыв дверь, и сразу увидел комиссара — тот стоял у капота патрульной машины, говорил с другим инспектором, жестикулировал, лицо было напряжённым, как натянутая струна.

— Игорь! — крикнул Олег, пробиваясь сквозь моросящий дождь. — Папка? — спросил он, уже зная ответ, но надеясь на чудо.

— Бардачок вскрыт. Дождь смыл всё, что могло остаться на дороге. Олег стиснул зубы.

«— Надо ехать в больницу», — сказал он, и голос прозвучал твёрже, чем он сам себя чувствовал.

— Хоть обрывки, хоть фото. Всё, что осталось. Олег посмотрел на место аварии, на мокрые осколки, на следы тор-

можения, которые тянулись, как строчки из чужой, страшной книги. И вдруг понял: он не может удержать этот момент, не может собрать его обратно, как пазл. Он может только двигаться вперёд, шаг за шагом, и надеяться, что каждый шаг — правильный.

— Я в больницу, — повторил он.

Дождь стекал по его лицу, но он не замечал этого. В голове крутилась одна мысль: «Я должен быть там. Должен знать, что с ним всё будет хорошо». И ещё одна, тихая, почти незаметная: «А она ждёт. Дома. С нашим ребёнком. И верит, что я справлюсь». Тем временем я стояла у окна своей школы танцев — той самой, которую открыла в Италии, где всё дышало её упорством и её мечтой. Здесь пахло деревом, лаком и кофе, здесь зеркала отражали не просто движения, а силу, которую она в них вкладывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.